

**МЕРЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА,
ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ УПК РФ**

Медведев А. В.

**Научный руководитель - доцент Чеботарева И. Н.
*Курский государственный технический университет***

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации содержится ряд положений, которые закрепляют меры по обеспечению безопасности потерпевших и других участников процесса.

В ч.3 ст. 11 УПК РФ указано, что при необходимости в отношении участников уголовного судопроизводства могут быть приняты меры безопасности, если будет достаточно данных о том, что им или их близким угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными противоправными деяниями.

Сохранение в тайне данных личности, прослушивание телефонных и иных переговоров, проведение опознания в условиях, которые исключают визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, проведение закрытого судебного разбирательства, допрос свидетеля (потерпевшего) в судебном заседании без оглашения сведений о его личности и в условиях, исключающих визуальное наблюдение другими участниками процесса – все это меры безопасности, которые могут применяться в ходе уголовного судопроизводства.

Если остановить свое внимание на перечисленных выше мерах, то можно отметить, что указанные в УПК РФ меры безопасности не всегда могут обеспечить эффективную защиту потерпевших и других лиц, содействующих правосудию. При их практической реализации встречаются определенные сложности в связи с отсутствием комплексного подхода к обеспечению безопасности защищаемых лиц.

Несмотря на многочисленные возражения юристов, в УПК РФ была все-таки включена возможность обеспечения анонимности лица, участвующего в уголовном судопроизводстве. Анализируя данное законодательное установление, приходим к выводу о его неэффективности как меры, обеспечивающей безопасность свидетеля, потерпевшего, так и к мнению, что это положение нарушает принципы обеспечения права обвиняемого на защиту, состязательности, непосредственности исследования доказательств.

Однако не все так просто. Использование псевдонима оказалось невозможным в стадии возбуждения уголовного дела, поскольку согласно частям 2 и 3 статьи 141 УПК РФ письменное заявление гражданина о преступлении должно быть подписано заявителем, а устное заносится в протокол, который должен содержать данные о заявителе и документах, удостоверяющих его личность. Естественно, не может использоваться псевдоним и в объяснениях граждан в этой стадии. Но ведь нередко посткриминальное воздействие осуществляется именно с целью не допустить начала уголовного преследования, то есть возбуждения дела. По мнению автора, российский законодатель просто не учел данного обстоятельства.

Неясно, что делать и в ситуации, когда человек допрошен под настоящей фамилией, в деле имеется соответствующий протокол, а угроза посткриминального воздействия возникла после допроса. Польский УПК, например, предусматривает допрос свидетеля вновь - уже под псевдонимом и изъятие из дела протокола первого допроса. Это

единственно возможное решение, но в российском УПК оно оказалось непредусмотренным, и как теперь рассматривать исключение протокола допроса из дела - как фальсификацию? Получается, законодатель ставит субъектов, которые пытаются обеспечить, таким образом, безопасность участника уголовного судопроизводства, вне закона, ведь они нарушают его, когда изымают протокол допроса, где указаны подлинные данные о допрашиваемом.

Согласно ч. 9 ст. 166 УПК РФ постановление, в котором указаны подлинные сведения о лице, участвующем в процессе под псевдонимом, помещается в конверт, опечатывается и приобщается к уголовному делу. Сведения, содержащиеся в уголовном деле, относятся к сведениям конфиденциального характера (в соответствии с пунктом 2 Перечня сведений конфиденциального характера, утвержденного Указом Президента РФ от 6 марта 1997г.). Но надежна ли эта степень защиты, особенно в случаях, когда речь идет о жизни свидетелей? В нашей стране ради денег «высокие» начальники ставят под угрозу жизни сотен людей, а в данном случае человеку, имеющему доступ к уголовному делу надо всего лишь вскрыть конверт и прочитать необходимую информацию. А за такую информацию преступники готовы платить огромные деньги. Необходимо конверт с подлинными данными об участнике уголовного судопроизводства хранить не в судебной канцелярии, а, например, как предлагает В.Смольский, в сейфе прокурора¹, который ведет это дело, и чтоб об этом знали только суд, прокурор и сам участник уголовного судопроизводства.

Еще одной проблемой использования псевдонима является отсутствие четкого определения в УПК РФ понятия «псевдоним». В российском обществе под псевдонимом понимают – условное имя человека, которое заменяет его настоящее имя, фамилию, отчество (либо все вместе)². Так же следует обратить внимание, что в случае использования псевдонима, другие вымышленные данные (дата, место рождения и пр.) в протоколах следственных действий не должны указываться, т.е. не должны заполняться соответствующие графы в бланке протокола. Так как при выполнении требований ст.217 УПК РФ это сделает очевидным участие в судопроизводстве псевдонима для обвиняемого и его защитника. Ведь проверить указанные в бланке протокола данные не составляет особого труда.

Использование псевдонима даже с внесением определенных поправок и дополнений приведет к волне протестов и возмущений со стороны адвокатов и общественности. Оставление обвиняемого и его защитника в неведении, что в уголовном процессе участвует псевдоним, что его показания использованы при разрешении уголовного дела, исключит возможность для осужденного обжаловать судебное решение на том основании, что, по его мнению, показания псевдонима составили основу обвинительного приговора.

При анализе содержания ч. 6 ст. 278 УПК РФ важно отметить, что ее применение может повлечь немало сложностей. Например, свидетель, согласился сотрудничать с органами следствия с условием, что его личность останется неизвестной преступникам. Наряду с предоставлением гражданину псевдонима ему должно быть также разъяснено, что на основании ч. 6 ст. 278 УПК РФ в случае заявления сторонами обоснованного ходатайства о раскрытии подлинных сведений о лице, дающем показания, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения уголовного дела обстоятельств суд вправе

---

¹ Смольский В. Тайный свидетель // Российская газета. - 2004. - 18 мая. - С. 10.

² Прохоров А. М. Советский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 1088.

предоставить сторонам возможность ознакомления с указанными сведениями¹. И здесь возникает закономерный вопрос: пойдет ли свидетель, учитывая такую возможность, на сотрудничество с правоохранительными органами? Далекое не каждый осмелится сделать это. Дело в том, что закон не увязал раскрытие личности гражданина ни с устранением угрозы для него, ни с согласием самого гражданина, то есть действительных гарантий безопасности свидетелей и потерпевших не предусмотрено.

А обвиняемый, получается, что до этого не имеет возможности оценить имеющиеся доказательства с точки зрения доброкачественности их источника?² Кроме того, законом не предусмотрено право судьи использовать применявшийся на предварительном следствии псевдоним потерпевшего в приговоре.

Исходя из вышеуказанного автор предлагает дополнить УПК РФ следующими нормами: 1) личность потерпевшего и свидетеля не раскрывается без их согласия; 2) при выводе суда о необходимости раскрытия подлинных сведений о защищаемом, но при несогласии с этим последнего раскрытие не производится, показания же защищаемого лица суд исключает из исследуемого перечня доказательств. При этом, поскольку исключение не связано с каким-либо нарушением закона, не могут подвергаться сомнению законность решений об обыске и т.д.

Необходимость применения другой, предусмотренной УПК РФ, меры безопасности, а именно опознания в условиях, исключающих наблюдение опознающего опознаваемым, обсуждалась в литературе последнего десятилетия не один раз.

Порядок производства следственного действия в таких условиях еще не отработан. Рекомендации о проведении опознания через стекло с зеркальным покрытием трудновыполнимы в связи с отсутствием в подавляющем большинстве следственных подразделений необходимого оборудования. На практике применяется, например, опознание через узкое отверстие в ширме из плотного непрозрачного материала (растянутые шторы, покрывала) или другие доступные методы обеспечения анонимности опознающего лица.

Но в указанном случае, в погоне за интересами безопасности участников уголовного процесса нарушено право обвиняемого на защиту, при этом сама подобная процедура проведения данного следственного действия выглядит тупиковой. Согласно положениям ч.5 ст. 53 УПК РФ, защитник обвиняемого имеет право присутствовать при производстве всех следственных действий с участием обвиняемого. Отсюда следует вопрос: где должен находиться защитник и может ли он при этом наблюдать опознающего? Если может (а из смысла статьи следует, что может), то вся процедура такого опознания, в общем-то, становится бессмысленной, поскольку защитнику ничто не мешает сообщить обвиняемому сведения о личности опознающего. Если нет, то при производстве чего, собственно говоря, присутствует защитник?³

Согласно требованиям закона опознание по фотографии допускается только в случае невозможности предъявления лица (ч. 5 ст. 193 УПК РФ). Но ведь основанием для проведения опознания по фотографии могут быть и данные о возможном неправомерном воздействии на опознающего. Но, к сожалению, при возможности непосредственного предъявления обвиняемых и других лиц для опознания потерпевшим или свидетелям наши суды часто признают протоколы опознания живых лиц по фотографии

---

¹ Лозовицкая Г. П. Проблемы безопасности участников правосудия.// Российский следователь. – 2007. - №16. – С. 9.

² Кондратьев Е. Е. Формирование правовой основы защиты участников уголовного судопроизводства в РФ // Следователь - 2003 г. - №5. – С. 25.

³ Кондратьев Е. Е. Формирование правовой основы защиты участников уголовного судопроизводства в РФ // Следователь - 2003. - №5. – С. 25.

доказательствами, которые получены с нарушением закона.

Можно привести следующий пример. В ходе расследования уголовного дела по обвинению Степкина в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159 УПК РФ, опознание обвиняемого было проведено по фотографии по месту жительства потерпевшей - в Тюмени. Ходатайство адвоката об исключении протокола опознания по фотографии из числа допустимых доказательств в связи с возможностью непосредственного предъявления его подзащитного для опознания потерпевшей оставлено прокурором на стадии предварительного следствия без удовлетворения. Постановлением судьи Дорогомиловского районного суда Москвы ходатайство адвоката удовлетворено, так как, по мнению суда, на дату производства опознания обвиняемый содержался в следственном изоляторе и по состоянию здоровья имел возможность принимать участие в производстве этого следственного действия. Боязнь потерпевшей мести со стороны сообщников подсудимого, особенно в случае ее приезда в Москву, затраты на оплату проезда из отдаленного региона, возраст (56 лет) и состояние здоровья потерпевшей суд посчитал недостаточными основаниями для производства опознания по фотографии¹.

Из содержания ч. 8 ст. 193 УПК РФ не ясно, допустима ли для такого опознания видеотрансляция из помещения, где находится опознаваемый, в место нахождения опознающего. Тем более, непонятно, возможна ли видеозапись опознаваемого, статистов и последующее ее предъявление опознающему. Но в некоторых случаях использование видеотехники может быть более доступным, а в некоторых случаях и оптимальным. Пример из следственной практики: 14-летние подростки - очевидцы убийства заявили, что боятся участвовать в опознании задержанного подозреваемого, в связи с чем в следственном изоляторе, естественно, с соблюдением определенных правил, была сделана видеозапись подозреваемого и сходных с ним лиц, затем предъявленная подросткам, и преступник был опознан. В данном случае опознаваемый содержался в СИЗО, и, возможно, нахождение в нем школьников было признано нецелесообразным².

По мнению автора, то, что в ч.8 ст. 193 УПК РФ не говорится об использовании видеотехнологий – это пробел в законодательстве. Было бы целесообразно применение новых методов в уголовном судопроизводстве, закрепление положений в УПК РФ об использовании современных средств видеонаблюдения. Но, к сожалению, законодательство остается прежним, в какой то степени устаревшим.

Также одной из мер обеспечения безопасности участника уголовного судопроизводства может служить изменение его голоса при помощи специальной компьютерной программы. Примером может послужить следующее уголовное дело, рассмотренное Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 14 июня 2006 года по кассационным жалобам осужденного Ф.С.И., адвоката Г.С.Р. на приговор Верховного суда Удмуртской Республики от 19 декабря 2005 года. В ходе рассмотрения дела судебная коллегия изучила протокол судебного заседания Верховного суда Удмуртской Республики от 19 декабря 2005 года, в котором говорилось, что свидетель А. в момент допроса находился в другой комнате, посредством компьютерной программы его голос был изменен, стороны, в том числе адвокат Г.С.Р., задали все интересующие их вопросы и получили на них исчерпывающие ответы. При этом уста-

---

¹ Чекулаев Д. Применение мер безопасности в отношении потерпевших и других участников процесса // Законность. - 2005. - № 5. - С. 31.

² Тихонов А. К. О процессуальной безопасности свидетеля и потерпевшего // Советская юстиция. – 1993. - № 20. - С. 38.

новлено, что каких-либо нарушений закона допущено не было¹.

Защитой от посткриминального воздействия могут являться и меры пресечения. В ч. 1 ст. 97 УПК РФ возможные угрозы обвиняемого свидетелю и иным участникам уголовного судопроизводства прямо указаны в качестве одного из оснований для избрания мер пресечения. Важно, что причиной для избрания мер пресечения названа именно возможность угроз, таким образом, решение о выборе меры пресечения будет своевременным (законным), если она предотвратит именно возможность угроз участникам уголовного процесса, а не прекратит высказываемые угрозы. Между тем, некоторые судьи в обосновании ходатайств о применении заключения под стражу требуют от следователей доказательств именно осуществляемых угроз. Но такие требования противоречат статье 97 УПК РФ. Обеспечению безопасности потерпевших способствует также реализация ими права на обжалование постановления судьи об отказе избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу.

При ознакомлении обвиняемого и защитника по окончании предварительного расследования с материалами уголовного дела мерой безопасности является то, что в соответствии с ч. 1 ст. 217 УПК РФ обвиняемому и защитнику предъявляются материалы уголовного дела, за исключением случаев, предусмотренных ч. 9 ст. 166 УПК РФ, т.е. обвиняемому и защитнику не предъявляются постановления следователя, в которых указаны подлинные данные о лицах, участвующих в уголовном процессе под псевдонимом (содержащееся в ч. 1 ст. 217 УПК РФ положение не должно рассматриваться как противоречащее п. 12 ч. 4 ст. 47 и п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, где установлено право обвиняемого и защитника знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела). В практике применения положения ч. 9 ст. 166 УПК РФ встречаются случаи, когда участники не согласны с положениями данной нормы. В результате чего поступают жалобы в Конституционный суд Российской Федерации. Так, например, в определении Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2005 г. N 240-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, частью пятой статьи 193 и частью пятой статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" суд указал: «Содержащиеся в части девятой статьи 166 УПК Российской Федерации специальные правила проведения процессуальных действий и оформления их результатов относятся к числу правовых средств, используемых государством в целях обеспечения борьбы с преступностью и защиты прав и законных интересов граждан»².

Невручение обвиняемому приложения к обвинительному заключению - списка лиц, вызываемых в суд. Эта мера не была предусмотрена в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР, в ныне действующем законе она также не нашла отражения, но еще в 1996 году Президиум Верховного Суда РФ признал правомерным ее применение (как соответствующей международно-правовым и российским конституционным нормам), указал, в частности, что ее использование, наряду с удалением подсудимого из зала суда на время допросов потерпевших и свидетелей, содействовало получению их правдивых показаний³.

---

¹Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 июня 2006 г. N 43-О06-9 // URL: <http://www.garant.ru> (на 28.11.2009 г.).

² Определение Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2005 г. N 240-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, частью пятой статьи 193 и частью пятой статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // URL: <http://www.garant.ru> (на 04.12.2009 г.).

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 1997. - № 2. - С. 9 - 11.

Допрос в отсутствие публики отдельных лиц при открытом в целом судебном заседании - в соответствии с ч. 3 ст. 241 УПК РФ, где установлено, что определение суда о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании может быть вынесено «в отношении всего судебного разбирательства либо соответствующей его части». По мнению автора под «соответствующей частью» судебного разбирательства следует понимать не только, например, судебное следствие в целом, но и допрос отдельного участника процесса.

Также одной из мер обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства служит проведение судебного заседания по уголовному делу в закрытом режиме, то есть в зале судебного заседания присутствуют только непосредственные участники процесса. Европейский Суд по правам человека рассматривал дело Волкова против Российской Федерации (жалоба №64056/00) и, рассмотрев все обстоятельства дела, вынес Постановление об отсутствии нарушения требования пункта 1 статьи 6, так как судебное заседание может быть закрытым, если есть основания полагать, что участнику уголовного судопроизводства грозит опасность¹.

В соответствии с частью 7 статьи 241 Уголовно-процессуального кодекса, если уголовное дело рассмотрено в закрытом судебном заседании, то содержащиеся в мотивировочной части приговора показания свидетелей обвинения не оглашаются, таким образом, не оглашаются и сведения о свидетелях обвинения.

В зарубежной практике применяются и другие меры безопасности, получившие одобрение со стороны Европейского Суда по правам человека. Данные меры были признаны как не противоречащие международно-правовым стандартам в сфере уголовного судопроизводства. К таким мерам относятся: 1) ограничение материалов уголовного дела, предъявляемых для ознакомления обвиняемому и защитнику при окончании предварительного расследования; 2) видеозапись показаний защищаемых граждан и воспроизведение ее в стадии судебного разбирательства без вызова в суд самих защищаемых; 3) использование видеотрансляции для допросов в суде лиц, находящихся вне зала судебного заседания; 4) временное ограничение права защитника и содержащегося под стражей подзащитного на свидания².

Российский Уголовно-процессуальный кодекс подобных мер не содержит, но в нем есть такая норма: общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России являются составной частью ее законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство (часть 3 статьи 1 УПК РФ). Решения же Европейского Суда, в которых вышеперечисленные меры безопасности признаны правомерными, основаны на международном праве, более того, сами являются одним из важнейших его источников. Отсюда вывод, что, несмотря на отсутствие в УПК РФ прямого указания на вышеперечисленные защитные меры, использование их в России правомерно (при соблюдении определенных условий, установленных Европейским Судом по правам человека). В частности того, что для России формально обязательны только те решения Евросуда, которые вынесены в ее отношении³.

Выходом из данной ситуации, по мнению автора, могло бы стать непосредственное закрепление в уголовно-процессуальном кодексе вышеперечисленных мер безопасности. Пока же проблема может быть решена за счет принятия Пленумом Вер-

---

¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 2007 года. Дело "Волков (Volkov) против Российской Федерации" (Жалоба N 64056/00) // URL: <http://www.garant.ru> (на 04.12.2009 г.).

² Брусницын Л. В. Обеспечение безопасности участников процесса: возможности и перспективы развития УПК // Российская юстиция. - 2003. - № 5. - С. 49.

³ Брусницын Л. В. Проблемы формирования российского законодательства о защите лиц, содействующих уголовному правосудию. // Государство и право. - 2004 г. - №2. - С. 36.